



ЕВГЕНИЯ
НЕКРАСОВА

СЕСТРОМАМ

о тех, кто будет маяться

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ



РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЫ
ШУБИНОЙ

МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н48

Художественное оформление
Виктория Лебедева

Иллюстрации на переплете
Алиса Горшенина (Alice Hualice)

Фото автора на переплете
Мария Букреева

Некрасова, Евгения Игоревна.

Н48 Сестромам. О тех, кто будет маяться : [рассказы, повести] / Евгения Некрасова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 379, [5] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-119114-6

Писательница и сценаристка Евгения Некрасова родилась в 1985 году. Окончила Московскую школу нового кино. Её цикл прозы «Несчастливая Москва» удостоен премии «Лицей» (2017), роман «Калечина-Малечина» вошёл в шорт-листы премий «НОС» (2018), «Национальный бестселлер» (2019) и «Большая книга» (2019), лонг-лист «АБС-премии».

Книгу рассказов «Сестромам. О тех, кто будет маяться» населяют люди, животные и мифические существа. Четыре кольца охраняют Москву, да не всегда спасают; старуха превращается в молодую женщину, да не надолго. В повседневность здесь неизменно вмешивается сказ, а заговоры и прибаутки легко соседствуют с лондонскими диалектами.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Некрасова Е.И., 2019

© Горшенина А.А.

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ISBN 978-5-17-119114-6

Татьяне Новосёловой

СОДЕРЖАНИЕ

Павлов	9
Лицо и головы.....	16
Лакомка	25
Вера	36
Начало	56
Поля	72
Сестромам.....	88
Супергерой.....	107
Потаповы	120
Молодильные яблоки	129

Пиратская песня	178
Присуха.....	191
Лакшми	244
Маковые братья.....	276
Несчастливая Москва	302

ПАВЛОВ

На следующий день Павлов почувствовал укус вины, даже не укус, а так, жжение в области желудка. Ходил-бродил, жгло-пожёвывало. Ну и ладно. От чая или вина всё затихало. Думал, отпустит. Но неудобное чувство разрасталось внутри, как младенец, надувалось, оформлялось в настоящее, жизнеспособное. стакан то и дело краснел до краёв, но обезболивал мало, чай и вовсе перестал помогать. На четвёртый день вина пульсировала, крутила внутренности Павлова, рвалась наружу. Она хотела, как и каждый созревший ребёнок, развиваться вне своего родителя, но быть рядом с ним, и заглядывать в глаза прохожим, рассказывать им правду на своём виноватом языке.

А что такого-то? Ну, пнул его пару раз, зачем — всем понятно. Во-первых, плохо учится, во-вторых, постоянно, щенок, перечит. Мать всё его защищает. А он, Павлов, между прочим, не кобель, что бы там эта дура ни брехала. Он уже года два не знакомился, с тех пор как одна украла у него всю зарплату. Полина нашла пустой конверт и такой вой тогда подняла, да и сам Павлов счастлив не был. Пёс с ними, с суками, — траты вперемешку с болезнями. На то он, в конце концов, и женился — чтобы своя была, домашняя — гарантированная.

Он, если на то пошло, не кобель, а пёс — сторожевой. На службе — на страже и дома — на страже. Сторожить надо не только покой, здоровье и имущество семьи, но и порядок в ней. Всё должно происходить по правилам. Согласно им он, Павлов, главный — и его команды должны исполняться. Сказал — жрать, значит, тут же должен нарисоваться ужин, а что холодильник пустой, так это не его забота. Сказал — спортом заниматься, значит, идёт сучонок в секцию.

Мучительно катал разные такие мысли Павлов в своей пегой голове сутки за сутками — оправдывался. Однажды ночью, не найдя другого выхода, вылезла вина из его живота длинным чёрным червём через подгнивший рот и свернулась тяжёлым клубком на груди. Утром, как толь-

ко он проснулся на смену по стервозному будильнику, вина встрепенулась и хомутом легла на павловскую шею.

Он с трудом втиснулся в маленькую фанерную будку и принялся, как всегда, сторожить разноцветный отряд переоценённого железа. Район, где Павлов работал, был так себе, поэтому очень дорогие и совсем новые тачки дефицитствовали. Был джип майора полиции — короткой женщины с чужой грудью. Она материла мужа при детях и спала с кем-то служебным. Вторая значительная машина в вотчине Павлова принадлежала молодому хирургу. Тот равнодушно резал человеческую плоть, брал за это серьёзные подарки и нежно гладил тёплую кожу салона своего авто. Третий был восстановленный винтажный «жук». Павлов поначалу посмеивался над залатанным металлическим насекомым. Но потом, увидя, как важно влезает в него тучный и усатый человек в джинсах со специальными дырами, охранник машинку зауважал и принялся рьяно гонять кошек, отдыхающих на сложенных жёлтых крыльях.

Другие машины были скучные. Наши новые-беспонтовые или иностранцы — старые, заезженные, ввезённые полуконтрабандой, порезанные на органы, а потом кое-как склеенные. Все они были добыты полжизнью вкалывания,

скандалов, истерик, разочарований — не купленной шубой жене, не подаренным на день рождения компьютером ребёнку, собственными растерянными за годы зубами. В будни их хмурые водители пробегали мимо Павлова, заводились и втискивались в агрессивное, воюще-рычащее стадо. Вечерами они, счастливые оттого, что выжили по пути домой, снова доверяли свои 400, 500, 800 тыс. рублей охраннику и ныряли в пивную бутылку. По выходным совершался программный выезд на дачу или за грибами. Павлов не видел в этой жизни ничего для себя нового, и поэтому зевал, затягивая мух в свою чёрную рифлёную пасть.

Но случались на его стоянке и интересные истории. Пару лет назад он как-то заметил в самом дальнем углу своего периметра непонятное оживление. Пошевелил носом и почувствовал запах отечественного бензина что-то от человека — срамное, физиологическое. Посеменял на место и увидел на заднем сиденье «Волги», принадлежащей тихому технику, два движущихся тела. Павлов решил не разгонять — как-никак и ему развлечение на ночь. Вскоре происшествие повторилось, потом снова и снова: тела барахтались в «Волге» на регулярной основе. Павлов быстро понял, что мужские контуры разные, а женские — часто повторяются. Под-

смотрел он также, что пловцы попадали на стоянку через дырку, проделанную в заборе. Сам тихий техник «Волгой» пользовался редко — выезжал лишь на культурные прогулки по подмосковным домам-усадьбам, подстилая в гигиенических целях одеяла под свою семью.

Однажды ночью, когда Павлов самозабвенно наблюдал за пассажирами «Волги», у авто тихо возник сам тихий техник. Охранник, с трудом застегнув ширинку, начал оправдываться, но тут же понял и быстро ринулся в атаку. Договорились-снюхались, Павлов вошёл в долю, а ночные гости принялись входить на стоянку официально, через ворота. Тихий техник ещё полгода сдавал двум приезжим женщинам заднее сиденье своей «Волги». Потом вдруг всей семьёй отцепился от насиженной панельной многоэтажки и уехал ближе к Европе, в Калининград. Павлов часто скучал о таком предприимчивом человеке и всегда ждал, когда на стоянке появится кто-нибудь подобный.

Охранник со свистом вздохнул. Вина давила плечи, грудь и брюхо. Щурилась вместе с ним от молочного зимнего солнца. Щекотала Павлову нервы кончиком хвоста. Не давала покоя, мяла душу в вечные морщины. Сегодня Павлов впервые не возбудился, вспоминая бордель на заднем сидении «Волги». Острая, зудящая мысль, то ли

прямой потомок, то ли шлак павловской вины, мучила сторожа с самого начала смены. А было ли когда-нибудь — у короткой милиционерши, у позолоченного хирурга, у сообразительного тихого техника или у маринующих друг друга в ругани семей — чувство вины? Хоть за что-нибудь?

Сухие ноги Павлова, следуя привычному маршруту, прямоугольно обошли стоянку. Дранные кошки бросились врассыпную от его тяжёлых, царапающих асфальт ботинок. Павлов, не обращая внимания на более слабых животных, продолжал ломать мозги о каменный вопрос. Наступило обеденное время. Еды у него не было — никто не позаботился, Полина с ним не разговаривала уже несколько дней. Но, повинаясь условному рефлексу, Павлов уселся в свою будку и почувствовал, как начал отделяться желудочный сок.

Внезапно у бедра закудахтал мобильник. Павлов оскалился от страха — это была Полина.

— Если интересуешься, он в себя пришёл, говорят, завтра переведут из интенсива в обычный стационар. — И швырнула трубку.

И откуда только он, щенок одиннадцатилетний, так подробно узнал, как себя на тот свет отправить? Хорошо, не успел далеко забраться. Вина посмотрела Павлову в серо-голубые глаза

и простонала. Половина её тела, с хвоста, тут же беззвучно отломилась и рухнула на фанерный пол. Вторая, составляя ещё два плотных кольца, осталась висеть на шее своего создателя. Павлов впервые за четверо суток вздохнул всей диафрагмой, погладил вину по длинной морде и заплакал.